

Пушки и музы

Когда говорят пушки, музы молчат. Это расхожее мнение неверно по самым разным причинам. Прежде всего исторически, ибо происходит оно из латинского «*Inter arma enim silent leges*», и речь там не о музах, а о законах. К тому же пушек при Цицероне, который использовал эту максиму (и, возможно, ввел ее в оборот), не было. Он говорил о том, что, когда говорит оружие, то есть во время войны (в его случае – гражданской), очень сложно ждать исполнения законов. Они молчат. И против врага все средства хороши. Война все спишет. Максиму переделали значительно позже, вписав туда муз, чтобы воспроизвести банальность: все возвышенное и прекрасное замолкает при орудийной канонаде. Забыли при этом, что в Древней Греции музы отвечали не только за поэзию, музыку или танец, но и за историю (что бы ни понималось в те времена под ней), а также за астрономию, не говоря уже о Каллиопе – покровительнице эпической поэзии, науки и философии. Но дело не только в данной неловкости. Дело в том, что на самом деле музы не умолкают, когда говорят пушки. Они тоже говорят – иногда в унисон с пушками (и это называется пропаганда), иногда, пытаясь заставить их замолчать. Ну, и, конечно, Клио и Каллиопа стремятся понять, как так произошло, что пушки вообще заговорили, откуда взялась необходимость их применять, чем и как все это закончится. Философская, политическая, социальная, историческая рефлексия войны – как раз об этом.

Сейчас перед нами, служителями рефлексивных, исследовательских, концептуализирующих муз Каллиопы и Клио, встала тяжелая дилемма. Какие могут быть отвлеченные разговоры в рамках разнообразных социальных наук и гуманитарного знания, когда льется кровь, гибнут тысячи людей, разрушается все то, что еще недавно было (относительно) мирной жизнью? Соблазн замолчать – или обратиться к прямому действию, отказавшись от рефлексии, – велик. Психологически он понятен. Однако такой выбор, будучи в каком-то смысле легким и даже ожидаемым, ставит под вопрос саму профессию социолога, историка, политолога, философа, экономиста. Нельзя быть, скажем, философом до 24 февраля 2022 года, затем перестать, а потом снова сделаться им после окончания военных действий. Не исключено, что те, кто развязал кровопролитие, именно этого и хотят – подчинить академическое знание, саму возможность критического мышления злобе дня, то есть сделать их второстепенными и неважными, тем самым поставив себе на службу. Или, говоря иначе, – уничтожить саму основу существования нашей профессии и способа мышления. Как мы видим, многие поддались этому искушению, либо превратившись в прямых или косвенных пропагандистов, либо просто отойдя в сторону, исчезнув из общественного поля, замолчав до лучших времен, как это и советует псевдоантичная максима, о которой говорилось выше. Редакция и авторы «Неприкосновенного запаса» сделали другой выбор. Журнал продолжает работу, по крайней мере до тех пор, пока оружие не заставит окончательно замолчать законы, пусть даже стремительно, на наших глазах превращающиеся в условность, ширму.

Это не значит, что мы упрямо держим курс на академический эскапизм, делая вид, что вокруг ничего не происходит. Сама природа гуманитарного знания и социальных наук такова, что они, являясь порождением общества, сфокусированы на нем же. Все, что происходит с обществом, двояким образом влияет на их работу: как предмет исследования – и как среда, в которой исследование происходит. Наши великие предшественники прекрасно понимали это. Французский медиевист Марк Блок в окопах Первой мировой обдумывает исследование о механизме распространении слухов в условиях жесточайшей военной цензуры, о суеверии и а-рациональном мышлении. Несколько лет спустя эти соображения легли в основу его первой фундаментальной работы «Короли-чудотворцы», основанной исключительно на вроде бы совсем не актуальном средневековом материале. Этот труд – наряду с некоторыми другими – положил начало исторической антропологии, новым подходам к историческому знанию, которые легли в основу знаменитой Школы «Анналов». В начале Второй мировой Блок, уже в офицерском

чине, наблюдает бесславный конец французской Третьей республики – и принимается за книгу, которая, по его мнению, должна была объяснить, как так получилось, что та Франция, которую он знал и любил, стремительно рухнула под ударами гитлеровских войск. Историк писал эту книгу урывками, уже живя под оккупацией, но так и не дописал. 58-летний Марк Блок, участник французского Сопротивления, был схвачен гестаповцами, пытан и расстрелян в 1944-м. Незаконченную книгу друга и соратника по Школе «Анналов» издал после конца Второй мировой Люсьен Февр; называется она «Апология истории». Сегодня «Апология истории», сделанная так же в основном на средневековом материале, является настольной книгой тех, кто посвятил себя истории.

Лидия Гинзбург – филолог, ученица и младшая коллега Бориса Эйхенбаума и Виктора Шкловского – пережила блокаду Ленинграда. Блокадные дневники вели многие в осажденном городе, фиксируя опыт запредельного страдания и институализированной жестокости, опыт, до Второй мировой замалчиваемый, почти не обретший голоса. Эти дневники бесценны с исторической и экзистенциальной точек зрения. Гинзбург же взяла на себя задачу, почти непосильную: фиксируя, анализировать и рефлексировать еще недавно казавшуюся немислимой человеческую катастрофу – и катастрофу человечности, гуманитарную катастрофу. Беспощадный социопсихологический анализ был продолжением того, что Гинзбург делала до войны и как историк литературы, и как автор дневника, ставшего, в конце концов, главным делом ее жизни.

Попробуем с этой точки зрения посмотреть на 142-й выпуск «НЗ». Этот номер задумывался еще в мирное время, что сегодня накладывает на него отпечаток, почти ностальгический – если ностальгия вообще уместна в отношении академического знания. Речь в нем идет о вещах, предоставлявших важнейшие объекты для исследователей, казалось, бывших неотъемлемой частью повестки гуманитарного знания и социальных наук еще совсем недавно. Пандемия COVID-19 как проблема политическая, социальная, культурная. Место традиции в нынешнем культурно-политическом мышлении. История радикальных теоретических и практических поворотов историографии в последние полвека. Юридические, политические, культурные аспекты становления авторитарных и тоталитарных режимов и так далее. Об этом – и о некотором другом – статьи, вошедшие в 142-й номер. Из сегодняшнего дня все это может показаться утратившим непосредственную актуальность, так как в повестке одно – война. Потому этот выпуск журнала кажется своего рода «посланием в бутылке», которая приплыла к нам из еще недавних мирных времен. Но даже

с этой точки зрения 142-й номер «НЗ» интересен – особенно для тех, кто потом будет изучать историю науки и общественного мнения в России как свидетельство своей эпохи.

Однако это далеко не все. Главное в том, что темы настоящего выпуска журнала имеют прямое отношение к нынешнему состоянию общества и знания. Актуальность анализа массовых настроений, страхов, распространения конспирологических теорий, роли во всем этом интернета и социальных сетей сегодня очевидна. COVID-19 никуда не исчез, он отчасти был вытеснен из общественного сознания военными страхами и эмоциями, но пандемия продолжает неслышно делать свое дело параллельно с грохотом пушек; никуда не делся и общественный раскол в отношении вакцинации, причем он во многом соответствует нынешнему политическому противостоянию, особенно, если речь идет о России. Вопрос о соотношении исторической закономерности и контингентности в наши дни, когда очень многое было поставлено под вопрос решением нескольких человек, умозрительным и теоретическим не назовешь. То же самое можно сказать и об остальных темах 142-го номера. Их актуальность не скоропортящаяся – она обладает другой скоростью и глубиной. Именно поэтому счесть данный выпуск «Неприкосновенного запаса» интересным и важным исключительно в качестве документа своего времени из будущей ретроспективы было бы неверным.

Наконец, последнее. Академическое знание, вопреки мнению многих, не оторвано от так называемой «реальной жизни». Оно – в лучших своих проявлениях – живо и жизненно. Но это не значит, что оно не обладает автономией. Эта автономия определяется одним условием: наличием дистанции по отношению к жизни общества, которое и является главным объектом изучения для гуманитарного знания и социальных наук. Выверить эту дистанцию, избежать как журналистской вовлеченности, так и спокойствия небожителей – главная задача редакции и авторов журнала в наше трагическое время. Не только задача, но и профессиональный долг. [НЗ]